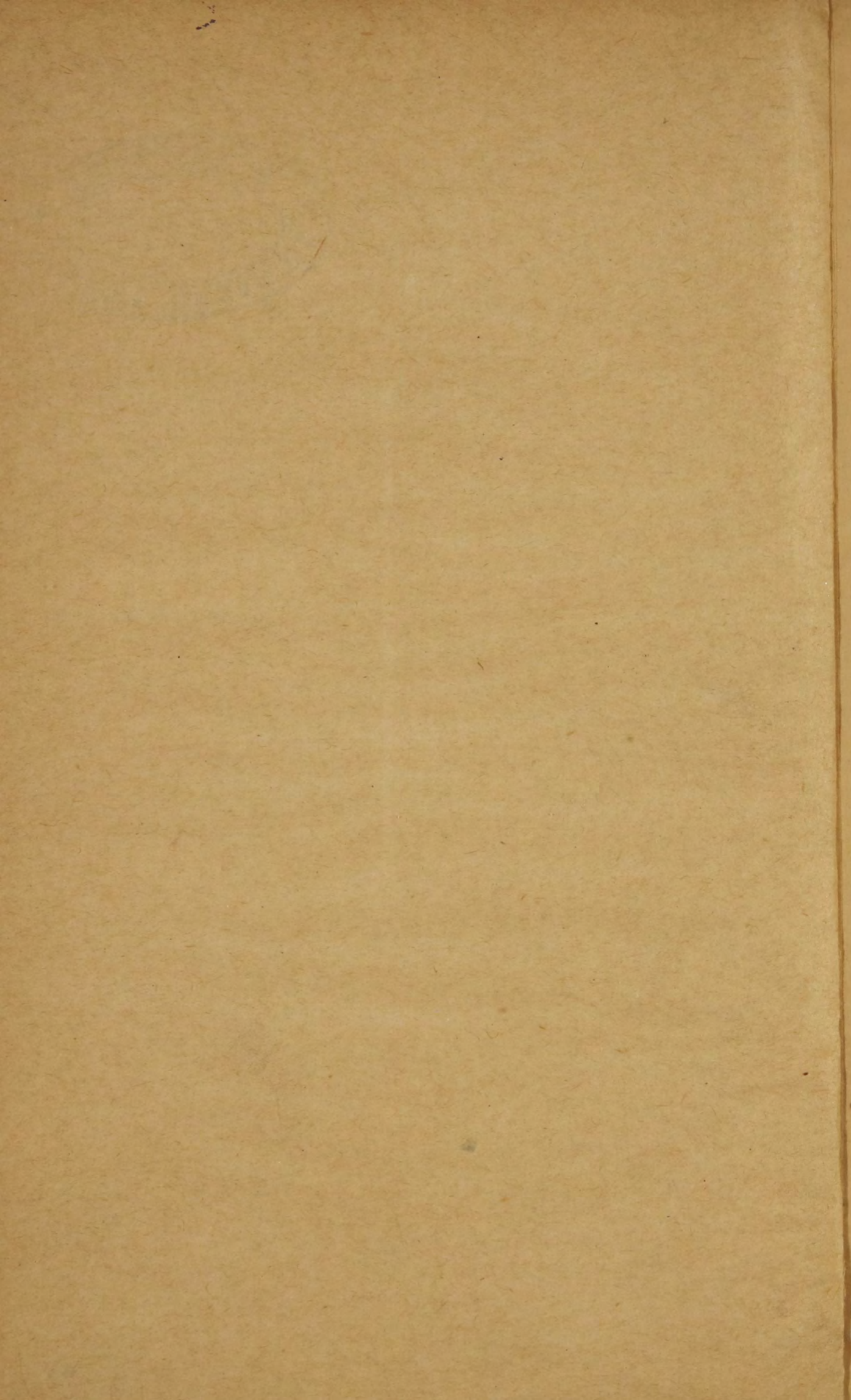

13167.

13164

Русское Обозр. 1897, XI

А. Елишев.

ОЧЕРКИ ДВОРЯНСКАГО ДѢЛА.

I.

Государственное значеніе дворянства.

Служилое и культурное значеніе дворянства. Дворянство, какъ опора государственнаго порядка. Нашъ старинный служилый укладъ.

Утвердительное разрѣшеніе вопроса о томъ, сохранила ли Россія свой исконный сословный строй жизни ¹, даетъ намъ основаніе для разсмотрѣнія другихъ не менѣе интересныхъ вопросовъ, а именно: каково должно быть отношеніе государства къ высшему изъ нашихъ сословій—дворянству? Должна ли продолжаться политика за-прошлаго царствованія, проводившая „сліяніе сословій“ какъ въ области быта, такъ и въ области права,—политика, приведшая къ упадку дворянства,—или, наоборотъ, дворянство, какъ сословіе, должно быть охраняемо и, быть можетъ, даже возстановляемо въ предѣлахъ, обусловливаемыхъ требованіями современной жизни?

Несмотря на свое разстройство и обѣднѣніе, дворянство до сихъ поръ является нашею первою, послѣ верховной власти, государственною и культурною силой. Реформы предпрошлаго царствованія во многихъ отношеніяхъ принесли пользу единственно потому, что главными дѣятелями вновь созданныхъ учреждений явились дворяне. Почти исключительно ихъ участіемъ держалось не только земское самоуправленіе, въ средѣ котораго было ихъ настоящее мѣсто, какъ владѣльцевъ помѣстій, но во многихъ случаяхъ и самоуправленіе городское, членами котораго они являлись болѣе или менѣе случайно.

„Изъ среды дворянства, говоритъ проф. Б. Н. Чичеринъ, вышелъ первый приливъ мировыхъ посредниковъ, который вы-

¹ См. статью „Сліяніе сословій“, Русское Обозрѣніе, сентябрь, тек. года.

несъ на своихъ плечахъ великое дѣло освобожденія. Ихъ самоотверженной работѣ, а равно и готовности массы дворянства поступиться своимъ правомъ, Россія главнымъ образомъ обязана тѣмъ, что это величайшее изъ преобразованій совершилось мирно и правильно. Дворянство же заняло первенствующее мѣсто въ земскихъ учрежденіяхъ; оно наполнило мировые суды. Если земство и мировой судъ принесли какую-нибудь пользу, если они заслужили благодарность русскаго общества, то и этимъ оно обязано исключительно мѣстнымъ помѣщикамъ. Гдѣ были путные дворянскіе элементы, тамъ дѣло шло успѣшно; прорѣхи оказывались только тамъ, гдѣ они отсутствовали.

„Стоя во главѣ земства и управляя мѣстными дѣлами, дворянство пользовалось своими правами не для себя, а для другихъ. Можно сказать, что въ это время все гражданское управленіе Россіи покоилось въ концѣ-концовъ на уѣздныхъ предводителяхъ. Они были предсѣдателями и земскихъ собраній, и уѣздныхъ и рекрутскихъ присутствій, и училищныхъ совѣтовъ, часто даже мировыхъ сѣздовъ, а въ случаяхъ надобности, и уѣздныхъ управъ. Предводитель былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ уѣздѣ, съ которымъ всѣмъ приходилось считаться ¹“.

Дворянству же до настоящаго времени принадлежитъ первое мѣсто не только на поприщѣ государственной службы, что могло бы найти себѣ нѣкоторое объясненіе въ правахъ и привилегіяхъ, но и на поприщахъ науки, искусства и литературы. Но эти яркія блестящія отличія блѣднѣютъ предъ громаднымъ значеніемъ дворянства на необъятныхъ пространствахъ имперіи, въ уѣздахъ, въ помѣстьяхъ, вполне справедливо признаваемыхъ даже и нынѣ за настоящіе культурные центры для окружающаго населенія.

Все прошлое нашего дворянства въ общемъ говоритъ о немъ не только, какъ о важной силѣ, но и какъ о силѣ доброй. Но этого мало; важнѣе всего то, что оно всегда было силой *государственною*. Государство воспитало и взлелѣяло эту силу и всегда держало ее въ своихъ рукахъ; поэтому она никогда не была чуждою государству, никогда не имѣла самостоятельнаго отъ него существованія и никогда не предъявляла къ нему никакихъ притязаній. Наше дворянство, даже въ пору наибольшаго развитія своей мощи, не верховенствовало надъ народомъ,

¹ См. ст. „О современномъ положеніи русскаго дворянства“, *С.-Петербург. Вид.*, № 22, 1897 г.

а лишь помогало верховной власти править имъ, по полномочію и отъ имени этой власти, служа ей и отъ нея завися; оно никогда не представляло изъ себя *état dans l'état*, подобно дворянству, напимѣръ, французскому; оно лишалось своихъ политическихъ правъ по такимъ же свободнымъ велѣніямъ верховной власти, по какимъ и надѣлялось ими, сообразно современнымъ нуждамъ страны.

Въ высшей степени интересны и важны отзывы этой верховной власти, нашихъ монарховъ, о дворянствѣ, какъ о государственной силѣ; отзывы эти очень многочисленны и въ самыхъ лестныхъ для сословія выраженіяхъ свидѣлствуютъ твердую увѣренность нашихъ Государей въ необходимости для Россіи высшаго служилаго сословія; приведемъ два изъ нихъ.

Вотъ какъ, между прочимъ, объясняла императрица Екатерина II пожалованіе 1 апрѣля 1785 года грамоты благородному сословію дворянства: „Начальниковъ и предводителей Россія черезъ теченіе восьмисотъ лѣтъ отъ времени своего основанія находила среди своихъ сыновъ, наипаче же во всякое время свойственно было, есть, да помощію Божіею и пребудетъ вѣчно російскому дворянству отличатся качествами, блистающими къ начальству. Сіе неопровергаемо доказывается самыми успѣхами, доведшими имперію російскую до края нынѣшняго ея величества, силы и славы“.

Сто лѣтъ спустя, незабвенный правнукъ великой императрицы Императоръ Александръ III въ такихъ выраженіяхъ вновь подтвердилъ эти слова: „Сердцу цареву“, читаемъ мы въ Высочайшемъ манифестѣ 21 апрѣля 1885 года, „пріятно признать... и царскимъ словомъ засвидѣтельствовать“, что дворянство „неуклонно служило Царямъ земли русской главною опорой въ управленіи государствомъ“...

Къ этимъ отзывамъ нечего прибавить,—не нужно только ихъ забывать...

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что государство должно сохранить эту силу не только для культурныхъ, но и главнымъ образомъ для собственно государственныхъ цѣлей? Этого требуетъ какъ вся наша исторія, такъ и простая экономія силъ страны; этого требуетъ, наконецъ, одинъ изъ послѣднихъ пережитыхъ нами тяжкихъ уроковъ нашей государственной жизни.

Когда въ концѣ предпрошлаго царствованія политическая смута достигла такихъ ужасныхъ размѣровъ и правительство обратилось къ „всесословному“ обществу, оно не нашло себѣ въ немъ

надлежащей поддержки: правительству *въ общественной средѣ* не на кого было опереться, такъ какъ связи, соединявшія его съ высшимъ политическимъ классомъ страны, были почти порваны и самый классъ этотъ разстроенъ и дезорганизованъ. Мало того, если не все общество, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть его относилась къ революціонному движенію даже „съ сочувствіемъ“, какъ это было установлено многочисленными разслѣдованіями. Въ извѣстномъ циркулярѣ Министра Народнаго Просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго гг. попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 24 мая 1875 г. приводятся слѣдующія, заключающія въ себѣ горькій упрекъ этому обществу, слова министра юстиціи о революціонной пропагандѣ начала семидесятыхъ годовъ: „Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже *съ сочувствіемъ*, — такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандой, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается“.

Предыдущая исторія наша, когда дворянство, не по назначенію только, а и въ дѣйствительности было высшимъ государственнымъ сословіемъ и представляло собою часть правительственной силы, не даетъ намъ ни одного, даже сколько нибудь подобнаго примѣра опаснаго соціально-политическаго заболѣванія.

Лучшимъ хранителемъ нашихъ политическихъ завѣтовъ и преданій является бесспорно крестьянство. Оно еще вполнѣ самобытно и имѣетъ слишкомъ мало общенія съ западно-европейскимъ міромъ, чтобъ онъ могъ поколебать его основное міровоззрѣніе. Но крестьянство, по самому быту своему, не можетъ имѣть вліянія въ повседневной политической жизни; оно представляетъ прочный и устойчивый базисъ, но значеніе его проявляется болѣе пассивно, чѣмъ активно. Дѣйствующая политическая роль всегда у насъ принадлежала и должна принадлежать дворянству. Оно было и должно быть выразителемъ нашей государственной идеи и преданій. Правда, въ этомъ отношеніи на высшемъ служиломъ сословіи лежитъ длинный списокъ грѣховъ за петербургскій періодъ нашей исторіи, но справед-

ливость требуетъ сказать, что грѣхи эти въ значительной мѣрѣ находятъ себѣ оправданіе въ жизни болѣе культурныхъ, чѣмъ наше отечество, странъ Европы.

Допустимъ, однако, что такъ или иначе дворянство обойдено; оно игнорируется, оно уничтожено; государственная власть тогда оказалась бы лицомъ къ лицу съ многомилліоннымъ моремъ крестьянства, которымъ можно было бы управлять лишь однимъ путемъ — бюрократическимъ. Несостоятельность такого исхода вполне очевидна. По старинному укладу нашему старшинство на государевой службѣ имѣютъ лишь старшіе въ быту. Родовитѣй бояринъ стоялъ въ бытовомъ отношеніи головой выше рядоваго человѣка; послѣдній, привыкнувъ къ его авторитету въ ежедневномъ общеніи, относился къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ и тогда, когда видѣлъ его на государевой службѣ, будь то въ боевомъ снаряженіи, будь то въ мѣстномъ управленіи. Чиновникъ въ бытовомъ отношеніи, внѣ служебной дѣятельности, не имѣетъ никакого значенія, не связанъ съ мѣстнымъ населеніемъ никакими интересами, а слѣдовательно и не можетъ пользоваться со стороны послѣдняго ни надлежащимъ сочувствіемъ, ни авторитетомъ.

Значеніе дворянства, какъ мы увидимъ, далеко не исчерпывается ролью его въ мѣстномъ управленіи, но даже для этой одной роли исторически сложившееся служилое сословіе ничѣмъ незамѣнимо.

„Исторія поставила этихъ людей“, писалъ когда-то нашъ великій публицистъ М. Н. Катковъ про дворянъ, „во главѣ русскаго общества; много жертвъ принесъ русскій народъ, много лишеній претерпѣлъ онъ, чтобы въ средѣ его образовался классъ людей, обезпеченныхъ въ своемъ положеніи и способныхъ заниматься не только своими частными, но и общественными дѣлами. Народы, не имѣющіе этого класса, неспособны къ политической жизни; они бываютъ безсильны даже отстаивать свою независимость, чему примѣромъ служатъ турецкіе славяне, или, по крайней мѣрѣ, бываютъ безсильны прочно организовать, чему примѣромъ служатъ греки.

„Возможное ли дѣло, чтобы Россія, купивъ тяжкою цѣной образованіе въ русскомъ народѣ высшаго класса, вдругъ отказалась отъ своего права пользоваться существованіемъ этого класса?

„Нѣтъ, это невозможно. Съ исторіей нельзя такъ обращаться ¹“.

¹ См. *Московскія Вѣдомости* 1863 г., № 140.

II.

Сословныя привилегіи.

Необходимость сословныхъ привилегій.—Идея русскаго дворянства лишена своекорыстія.—Практическая основа сословнаго строя.—Идея равенства.

Слово „привилегіи“ въ современной печати нерѣдко употребляется, какъ синонимъ чего-то нарушающаго общія права, противообщественнаго. Конечно, это лишь одинъ изъ многихъ современныхъ предразсудковъ. Созданіе государствомъ привилегій и привилегированныхъ положеній отнюдь не есть еще нарушеніе интересовъ всѣхъ въ пользу немногихъ счастливцевъ, какъ это нерѣдко понимаютъ. Все дѣло въ томъ, каковы эти привилегіи. Если государство взамѣнъ даруемой имъ привилегіи получаетъ эквивалентную цѣнность, понимая послѣднее слово, конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ, то нѣтъ никакихъ основаній говорить о вредѣ такой привилегіи. Такъ, напримѣръ, самый образовательный цензъ, безспорно есть привилегія, но никто не думаетъ отрицать его пользы.

Всякаго рода покровительство чему-нибудь со стороны общества и государства только и можетъ выражаться созданіемъ привилегій. Это вѣрно какъ въ отношеніи покровительства отечественной промышленности, такъ и въ отношеніи сословій. Такая политика не только не заключаетъ въ себѣ ничего ненормальнаго, но, наоборотъ, составляетъ единственный способъ воздѣйствія государства на направленіе народной жизни. Такъ, напримѣръ, признавая образованіе полезнымъ, государство создаетъ привилегіи въ его пользу: служебныя, по воинской повинности, избавленіе отъ тѣлеснаго наказанія, стипендіи и воспитаніе на казенный счетъ и пр. Признавая полезнымъ существованіе болѣе или менѣе древнихъ родовъ, оно создаетъ сословныя привилегіи. Если же говорить о несправедливости, то она одинаково существуетъ во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ, а не только въ привилегіяхъ въ пользу дворянства.

При сословномъ строѣ нашего общества привилегіи въ пользу высшаго служилаго класса необходимы и неизбѣжны. Мало того, онѣ должны быть болѣе или менѣе значительны и существенны настолько, чтобы съ одной стороны ими дорожили тѣ, кто владетъ, а съ другой, чтобы онѣ могли составлять предметъ желаній и стремленій для тѣхъ, кто совмѣщаетъ въ себѣ условія, необходимыя для ихъ приобрѣтенія. Поэтому цѣль, преслѣдуе-

мая созданіемъ привилегій служилаго сословія, не можетъ быть достигнута, если онѣ будутъ ограничены лишь оставленіемъ названій, титуловъ, гербовъ и т. п. чисто виѣшнихъ отличій—могущихъ сами по себѣ служить лишь для удовлетворенія мелочнаго тщеславія, а никакъ не составлять основаніе важнаго государственнаго учрежденія. Предѣлы особенныхъ правъ и преимуществъ обусловливаются единственно самымъ назначеніемъ сословія, но въ предѣлахъ этихъ они должны быть достаточно широки и реальны, такъ какъ иначе сословіе было бы лишено возможности выполнять возлагаемыя на него задачи.

Западно-европейская знать, наиболѣе полно и многосторонне развившаяся въ Англіи, находила свое значеніе и силу не въ одномъ землевладѣніи, но и въ древности родовъ, въ культурности, во власти, которой была облечена, и въ привилегіяхъ, коими всегда пользовалась. Нѣмецкое дворянство и до сихъ поръ сохранило значительныя привилегіи въ государственной службѣ.

Наше дворянство есть учрежденіе политическое, и государство можетъ разсчитывать на его полезность и значеніе лишь постольку, поскольку оно само надѣлило его необходимыми для него политическими правами и полномочіями.

Здѣсь необходимо оговориться. Выражаясь точнѣе, дворянство до 1762 года никогда не имѣло однихъ правъ, а несло извѣстныя обязанности, съ которыми, правда, были соединены нѣкоторыя права, но лишь постольку, поскольку это вызывалось исполненіемъ обязанностей. Допуская даже вмѣстѣ съ противниками сословности, что дарованіе дворянству исключительныхъ правъ было бы обидой другимъ сословіямъ, нельзя не признать однако же, что упрекъ этого рода не можетъ относиться къ русскому дворянству, такъ какъ по нашему исконному государственному укладу верховная власть не можетъ переуступать, да никогда и не переуступала, своихъ правъ кому бы то ни было. Цари и государи лишь уполномочивали наше дворянство на управленіе въ качествѣ своихъ слугъ. „Въ сознаніи народа, говоритъ г. Михаилъ Яблочковъ ¹, кромѣ права царя, не существовало никакого другаго права; права боярства или другихъ сословій не существовало“...

¹ См. „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“, С.-Петербургъ, 1876 г., стр. 188.

Не то было на западѣ,—напримѣръ, во Франціи. Тамъ во время первой революціи народъ узурпировалъ королевскую власть; право верховенства надъ страной и ея обитателями было отнято у короля, составляло какъ бы добычу всей націи, а потому и подлежало раздѣлу такъ же, какъ дѣлится всякая добыча, то-есть поровну между всѣми, въ результатъ чего и оказалась организація управленія помощью всеобщаго голосованія. Если бы при этомъ дѣлежѣ какое-нибудь сословіе получило меньше, чѣмъ остальные, оно, конечно, могло бы говорить о нарушенной справедливости: насиліе надъ королевскою властью было сдѣлано во имя всеобщаго равенства, а потому наслѣдство, оставленное этой властью, не могло быть раздѣлено между ея добытчиками иначе, какъ поровну. Верховная власть отъ короля перешла къ „народу“, а слѣдовательно, каждый гражданинъ имѣлъ право пользоваться причитающеюся на него долей этой власти.

Никакого аналогичнаго положенія нельзя себѣ представить въ Россіи. Наши монархи, ни мало не поступаясь своею властію и именно въ силу сохраняемой ими полноты этой власти, возлагаютъ обязанности по управленію на отдѣльныхъ лицъ и на цѣлое сословіе страны. Но, конечно, для такой миссіи выборъ ихъ падаетъ на тѣхъ, кто наиболѣе способенъ къ ней какъ изъ отдѣльныхъ лицъ, такъ равно и изъ цѣлыхъ сословій. Отсюда и служебное положеніе дворянства, такъ какъ оно безспорно представляетъ собою разрядъ людей наиболѣе пригодныхъ для дѣла управленія.

Вышеупомянутый характеръ государственно-правоваго положенія нашего высшаго служилаго сословія, заключающійся въ его обязанностяхъ, въ бремени, несомомъ имъ по управленію страной, обусловливаетъ собою и нравственную сущность нашего сословнаго строя.—Идея русскаго дворянства лишена своекорыстія и говоритъ лишь о чести и долгѣ передъ царемъ и отечествомъ, а потому и принадлежитъ къ идеямъ высшаго порядка.

Обычное возраженіе противъ сословныхъ привилегій заключается въ томъ, что онѣ возбуждаютъ будто бы сословную вражду и ненависть. Не касаясь вопроса о томъ, насколько обстоятельство это имѣетъ значеніе для другихъ странъ, мы можемъ сказать лишь, что вражда сословій — явленіе безусловно неизвѣстное нашей бытовой исторіи. И наоборотъ, существованіе сословныхъ правъ и преимуществъ имѣетъ за себя

всю исторію нашего народа. Они всегда существовали, существуютъ и нынѣ, и предѣлы ихъ лишь колебались въ зависимости отъ потребностей времени, не возбуждая при своемъ расширеніи ни антагонизма, ни демократической зависти, столь свойственныхъ народнымъ массамъ Западной Европы. Только дарованіе новыхъ привилегій одной группѣ населенія передъ другой — и лишь въ томъ случаѣ если эти привилегіи не вызываются потребностями страны—создаетъ неудобства. Здравые политическія понятія всегда составляли отличительную черту нашего народа; онъ не утратилъ подъ вліяніемъ чужеземныхъ ученій, подобно части образованнаго общества, самостоятельности политической мысли, а потому и понимаетъ, что особыя сословныя права и преимущества даруются верховною властью лишь для государственной нужды, а не для того, чтобы одинъ разрядъ государевыхъ людей возвышать надъ другими.

Но лучшій доводъ въ пользу нашей сословности, а вмѣстѣ съ нею и сословныхъ правъ и обязанностей, заключается въ томъ, что наши сословія явились отнюдь не искусственнымъ созданіемъ чьей нибудь отдѣльной мысли. Наши сословія въ зародышѣ существовали при самомъ началѣ русскаго государства, которое не создавало сословій, а воспользовалось уже существовавшими въ народѣ расслоеніями для того, чтобы заставить этотъ народъ работать на свою пользу возможно лучше, возможно продуктивнѣе. Государственное управленіе всегда было и всегда останется дѣломъ по преимуществу практическимъ и сводится къ тому, чтобы какъ можно лучше эксплуатировать въ пользу государства способности какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ ихъ группъ. Прежніе государи наши взяли къ себѣ на службу земское боярство, торговый классъ обложили денежными сборами, крестьянство прикрѣпили къ землѣ,—то-есть со всякаго разряда людей взяли то, что могли взять.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что различныя сословія страны обладаютъ съ государственной точки зрѣнія совершенно различными, иногда даже противоположными качествами. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, объ этомъ профессоръ Н. Коркуновъ: „въ правящемъ классѣ вырабатываются путемъ наслѣдственной передачи и особо къ тому приспособленнаго воспитанія особая способность и привычка къ властвованію. Въ членахъ этого класса естественно складывается увѣренность въ успѣхѣхъ, въ повинненіи имъ другихъ, и это сообщаетъ ихъ властвованію рѣ-

пительность и энергію, придающія имъ особую силу. Съ другой стороны, и въ самыхъ подвластныхъ точно такимъ же путемъ наслѣдственной передачи и соотвѣтственнаго воспитанія вырабатывается склонность къ добровольному подчиненію, даже своего рода потребность подчиненія. Къ тому же господство, къ которому привыкли издавна, которое унаслѣдовали отъ предковъ, не кажется оскорбительнымъ“¹.

Вотъ какъ діаметрально противоположны свойства сословія правящаго и сословія подвластнаго. Весьма естественно, что для того, чтобы каждое изъ этихъ сословій приносило государству наибольшую пользу, ихъ нужно поставить по отношенію къ государству въ различныя положенія, на нихъ нужно возложить различныя обязанности, одаривъ соотвѣтственно послѣднимъ и различными правами. Поступая иначе, государство уподобилось бы, напримѣръ, такому хозяину-фабриканту, который вмѣсто того, чтобы предоставить каждому специалисту работать на своемъ мѣстѣ, смѣшалъ бы ихъ всѣхъ такъ, что художникъ оказался бы за ткацкимъ станкомъ, а ткачъ въ рисовальной залѣ.

Вопросъ о сословіяхъ сводится въ сущности своей къ вопросу о томъ, какъ лучше и выгоднѣе для государства эксплуатировать для своихъ цѣлей трудъ и способности населенія страны—въ видѣ ли сплошной массы или въ видѣ обширныхъ сословныхъ группъ.

Уничтожить дворянство или оставить—съ государственной точки зрѣнія вопросъ чисто практическій. Въ силу давняго права и обычая государственная власть можетъ сохранять привилегіи родовъ и давать ихъ вновь. Если это нужно для государства—пусть сохраняетъ и создаетъ ихъ вновь; не нужно—сословный строй разрушится самъ собою, какъ разрушается всякое нежилое зданіе.

Насколько ясно сознавались нашею верховною властью необходимость сословій у насъ и значеніе ихъ для государства даже въ то время, когда демократическія ученія сдѣлали уже въ нашемъ обществѣ большія завоеванія, видно, напримѣръ, изъ Высочайшаго рескрипта, отъ 13 мая 1866 года, на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. П. П. Гагарина.

„Наконецъ, говорится въ этомъ историческомъ документѣ,

¹ „Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ“. Часть первая. С.-Петербургъ. 1890 г.

для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ, другихъ, *здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ*, которыми Россія всегда была обильна, и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ *сословіяхъ*, которымъ дѣроги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священные пстины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ, обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій во всѣхъ слояхъ народа надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ“.

И у насъ, и всюду сословія разрушаются во имя идеи равенства. Но, какъ сказалъ еще кн. А. И. Васильчиковъ¹, „понятіе о равенствѣ лицъ *чуждо русскому быту*“. Къ этому можно прибавить лишь, что если со времени отмѣны крѣпостнаго права какая-либо идея сдѣлала завоеванія въ нашемъ народѣ, то это идея о равенствѣ въ отношеніи всякаго рода имущественныхъ правъ, въ отношеніи свободы труда и обезпеченія за каждымъ пользованія результатами своего труда. Идея же равенства политическаго—несомнѣнно пноземнаго происхожденія, и если распространяется у насъ успѣшно, то развѣ исключительно въ средѣ молодежи и безпочвенной „интеллигенціи“; народъ же остается совершенно глухимъ къ ея пропагандѣ. „Русскій народъ можно поднять только во имя царя“², а идея царской власти безусловно несовмѣстима съ идеей равенства.

Еще въ 1863 году по поводу „вопроса о равенствѣ“, вдругъ возникшаго у насъ, М. Н. Катковъ писалъ³, что его съ политической точки зрѣнія „почти стыдно касаться послѣ бесчис-

¹ „О самоуправленіи“, ч. I, стр. XXXVIII.

² См. М. Яблочковъ. „Истор. двор. сосл. въ Россіи“, стр. 188.

³ *Московскія Вѣдомости*, № 162, 1863 года.

ленныхъ опытовъ вреднаго примѣненія этого начала въ политикѣ. Мѣсто равенства—въ гражданскомъ, а не въ государственномъ правѣ. Здѣсь, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, оно враждебно началу свободы⁴.

Удачныя и вѣрныя мысли о равенствѣ встрѣтили мы также въ одной изъ статей Э. Рёмера „О дворянствѣ“.¹ „Истинное равенство состоитъ, конечно, не въ томъ, говоритъ почтенный авторъ, чтобы всѣмъ съ момента рожденія суждены были одинаковыя права, одинаковыя занятія и одинаковое благосостояніе. Не говоря уже о томъ, что подобное единообразіе отзывается мертвечиной, ибо жизнь, наоборотъ, вырабатываетъ обыкновенно цѣлую безконечность формъ, красокъ и подробностей, не замѣчая, что безусловная впередъ намѣченная одинаковость всѣхъ человѣческихъ существъ необходимо убьетъ въ нихъ всякія стремленія, духъ инициативы и атрофируетъ умственную силу; я даже долженъ указать, что именно такой порядокъ является противорѣчіемъ истинному равенству, справедливости, и даже отрицаніемъ законовъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли человѣку съ задатками преступника или вредному для общества мечтателю предоставить одинаковую съ другими свободу дѣйствій? Справедливо ли человѣка, наслѣдовавшаго просвѣщенныя традиціи цѣлыхъ поколѣній, способнаго къ самой сложной и тонкой умственной работѣ, приставить къ одному и тому же дѣлу съ каменотесомъ или грабаремъ? А главное, кто и что этимъ выиграетъ? Нѣтъ, равенство состоитъ не въ томъ, чтобы, вопреки указаніямъ природы и опыта общественной жизни, всѣмъ и каждому предоставлять одинаковыя права, одинаковое положеніе, одинаковый достатокъ (это, напротивъ—глубочайшая несправедливость, даже безуміе), а въ томъ, чтобы каждому былъ открытъ, по возможности, безпрепятственный доступъ ко всему достижимому на землѣ, и чтобы каждый могъ этимъ пользоваться въ мѣру собственныхъ способностей и стремленій, но, по возможности, согласуя это съ общественными выгодами и удобствами. Насколько я въ состояніи понимать, подобная задача пока наилучше рѣшается именно сословнымъ устройствомъ, гдѣ каждый родится въ своей средѣ, примыкаетъ къ готовому, давно привычному дѣлу, получаетъ впередъ намѣченную цѣль и стремленія, сознаетъ свою крѣпкую связь съ обществомъ, но въ то же время имѣетъ полное право и возможность, если пожелаетъ

¹ См. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 118, 1897 г.

и способенъ, искать иной, высшей доли для себя лично, или даже поднять вмѣстѣ съ собою все свое сословіе“.

Однимъ изъ основаній сословныхъ привилегій служить признаніе „заслугъ предковъ“. Давая обильную пищу для дешеваго остроумія, принципъ этотъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергается демократіей—по крайней мѣрѣ въ теоріи. На дѣлѣ же находятъ себѣ примѣненіе и въ наиболѣе крайнихъ народоправствахъ. Вспомните избраніе въ президенты французской республики г. Сади-Карно. Всѣ его данныя на этотъ высокій постъ заключались почти единственно въ „заслугахъ предковъ“. Благодаря подобной же причинѣ, выдвинулся на политической аренѣ г. Кавеньякъ. Въ одной газетѣ пресерьезно была высказана мысль, что этимъ двумъ фамиліямъ суждено, быть можетъ, послужить родословнымъ корнемъ для республиканскихъ(?) династій Франціи. Все это объясняется тѣмъ, что общественныя заслуги предковъ составляютъ нѣчто вполне реальное по отношенію къ ихъ потомкамъ, а потому и не могутъ не имѣть значенія и не увеличивать достоинство этихъ послѣднихъ. Въ теоретическихъ разсужденіяхъ демократія признаетъ этого не хочетъ, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ ея основными принципами, а потому на дѣлѣ и впадаетъ сама съ собою въ противорѣчія. Только что осмѣпываемыя „заслуги предковъ“ начинаютъ вновь цѣниться съ однимъ лишь измѣненіемъ: вмѣсто заслугъ передъ „престоломъ и отечествомъ“ говорится о заслугахъ передъ „народомъ“. Но развѣ это измѣняетъ сущность дѣла?

III.

„Сословная рознь“.

Сказанія о „сословной розни“. Возбужденіе вражды между сословіями.—Рознь не имѣетъ почвы въ нашемъ сословномъ строѣ. Демократическая зависть.

Нѣтъ ничего легче, какъ говорить о настроеніи и чувствахъ народа или какихъ бы то ни было общественныхъ группъ и сословій. Отдѣльное лицо или учрежденіе всегда можетъ отвергнуть взводимую на него напраслину, но какъ бы ни была велика эта послѣдняя о народѣ или о сословіи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ,—нѣтъ средства и не представляется возможности какъ нибудь воспрепятствовать ея распространенію. По отношенію къ такимъ многочисленнымъ людскимъ союзамъ впол-

нѣ примѣнимъ пріемъ „валить какъ на мертваго“. Но мертвый ограждается, по крайней мѣрѣ, общепринятымъ правиломъ— не говорить про него дурного. Про живой же народъ или живое сословіе прямо и смѣло можно утверждать злую неправду, ничѣмъ не рискуя.

Все это весьма наглядно подтверждается, упорно поддерживаемою во всю нашу пореформенную эпоху, ложью о существованіи въ нашемъ народѣ *сословной розни*.

Можно было говорить о сословной розни во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Можетъ быть, то же явленіе наблюдалось позже, хотя не безъ вліянія идей первой французской революціи, и въ другихъ Европейскихъ странахъ. О существованіи этой розни свидѣлствуютъ безконечные ряды совершенно конкретныхъ фактовъ, очевидныхъ проявленій вражды между сословными группами, между богатыми и бѣдными, вполне авторитетные мемуары, свидѣтельства наблюдателей народнаго быта, протоколы общественныхъ собраній, литература, журналистика и т. д. и т. д.

Ничего подобнаго, никакой сословной розни и вражды сословій не существовало у насъ ни въ дореформенную ни въ послѣдореформенную эпоху, и никогда никто не пытался сколько нибудь обстоятельно уяснить и доказать существованіе этихъ социальныхъ явленій какими нибудь болѣе или менѣе вѣскими фактами, авторитетными свидѣтельствами, изслѣдованіями и т. д. Дѣло было собственно такъ, что разрушителямъ нашихъ сословій нуженъ былъ какой нибудь мотивъ для ихъ нивелирующаго труда, для проведенія реформъ, въ основаніи которыхъ лежало сліяніе сословій и насильственное равеніе. Вотъ тутъ-то, пользуясь всеобщимъ увлеченіемъ новыми идеями и туманомъ, окутывавшимъ даже, казалось бы, здоровыя и крѣпкія головы, сразу въ литературѣ и журналистикѣ принялись усиленно твердить о существованіи у насъ *сословной розни* и необходимости правительству въ предстоящихъ тогда реформахъ считаться съ этимъ важнымъ обстоятельствомъ.

Какъ извѣстно, путемъ постоянного повторенія положеніе, хотя бы даже совершенно ложное и бездоказательное, пріобрѣтаетъ какъ бы оболочку правды или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ казаться таковою. Несмотря на то, что никто не взялъ на себя труда установить существованіе этой розни какимъ бы ни было фактомъ, легенда о ней совершенно прочно установилась и держится даже до послѣдняго времени и въ случаѣ на-

добности вытаскивается на свѣтъ Божій въ качествѣ аргумента. Достаточно заглянуть въ любое разсужденіе повременныхъ изданій извѣстнаго направленія, посвященное доказательству полезности какого нибудь новшества или преобразованія, клонящихся къ уничтоженію остатковъ сословности, чтобы встрѣтить ссылку на существованіе у насъ сословной розни, вражды классовъ и т. п.¹ А такъ какъ эта долговременная проповѣдь не могла не оставить послѣ себя слѣда, то существованіе вражды сословій и считается за одну изъ политическихъ аксіомъ.

Въ дѣйствительности, если у насъ и существуетъ что-нибудь, то никакъ не вражда сословій между собой, а *вражда къ сословіямъ* со стороны безсословной интеллигенціи. Постоянное утвержденіе о существованіи вражды сословій и сословной розни, хотя не успѣло породить этихъ послѣднихъ, но, конечно, не могло остаться безъ вліянія на тѣхъ, кто такую проповѣдь склоненъ былъ слушать, т. е. на „интеллигенцію“, преимущественно на нашу молодежь, которая, исходя изъ того, что у насъ крестьяне и мѣщане ненавидятъ будто бы дворянъ, а можетъ быть, и купцовъ, конечно, также прониклась ненавистью къ сословности вообще и къ высшему служилому сословію въ частности.

Такимъ образомъ, розни и сословной вражды у насъ не существуетъ вовсе, но путемъ постоянного подтвержденія легенды объ ихъ существованіи эта проповѣдь успѣла сдѣлать то, что наиболѣе беспочвенная часть образованнаго общества серьезно вѣрить въ существованіе у насъ какой-то борьбы сословныхъ группъ, въ стремленіе народа разрушить сословныя перегородки и уничтожить всякія сословныя особенности и отличія. Можно сказать безъ преувеличенія, эту своеобразную сословную рознь, т. е. рознь безсословнаго класса къ сословному, создала наша журналистика и отчасти правительственныя реформы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, въ основаніе которыхъ, по мнѣнію ихъ безусловныхъ сторонниковъ, было какъ бы даже положено стремленіе уничтожить сословную рознь и внести въ народъ миръ и благоволеніе.

¹ Вотъ, напримѣръ, что писалось въ *Вѣстникъ Европы* уже въ 1882 г. (т. 3-й, *Внутр. Обзоръ*, стр. 354): „Народная масса, раскрѣпощенная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оставалась до сихъ поръ въ финансовомъ и экономическомъ отношеніи закрѣпощенною такъ, какъ будто бы въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ не было совершено никакой реформы — въ смыслѣ уничтоженія всѣхъ источниковъ *сословной розни*“.

Главнымъ проявленіемъ розни и вражды сословіи на западѣ была, конечно, ихъ, въ началѣ не видная, подспудная, а затѣмъ явная и стоящая потоковъ крови, борьба между собою. Никогда никакой борьбы между сословіями не только явной, но даже подспудной и тайной у насъ не было, и едва ли кто могъ бы указать какіе либо въ доказательство ея факты. Даже въ настоящее время, послѣ того какъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ наша повременная печать всѣми силами старается насадить и культивировать вражду между сословіями, даже и донынѣ этой вражды нѣтъ. Увеличеніе или уменьшеніе правъ, напримѣръ, крестьянства по земскому управленію въ 1890 г. если возбуждало неудовольствіе, то никакъ не крестьянъ, а ихъ добровольныхъ радѣтелей въ повременной печати и столичныхъ кружкахъ. Можно сказать, что само крестьянство, можетъ быть, за единичными исключеніями на всю его пятидесяти-милліонную массу даже не имѣетъ и никогда не имѣло понятія о томъ, въ какомъ смыслѣ произошла земская реформа, даже не знаетъ, что она имѣла и чего лишилась, благодаря послѣдней; какъ же ожидать отъ нея довольства или недовольства ею? Возвращеніе къ основамъ нашей сословности, которымъ были проникнуты преобразованія незабвеннаго императора Александра III, встрѣтило недовольство отнюдь не со стороны тѣхъ или другихъ сословіи, а опять таки со стороны безсословной „интеллигенціи“, подерживавшей легенду о сословной розни и о другихъ вещахъ, необходимыхъ для оправданія ея заимствованныхъ политическихъ теорій.

Фактъ насажденія и культивированія у насъ сословной розни не только въ семидесятихъ годахъ и въ наше время, но даже раньше, въ шестидесятихъ годахъ, имѣетъ прекрасное себѣ подтвержденіе въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 мая 1860 года, данномъ на имя предсѣдателя комитета министровъ кн. Гагарина, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями, и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ“.

Этотъ государственный документъ подтверждаетъ не только, что у насъ искусственно насаждалась сословная рознь, но также и тотъ упомянутый нами фактъ, что дѣйствительная ненависть существовала не между сословіями, а питалась *внѣ* сослов-

ною интеллигенціей къ дворянству. Уже немногочисленная и сравнительно нерѣшительная „интеллигенція“ шестидесятыхъ годовъ естественно усматривала въ дворянахъ своихъ „противниковъ“.

Драгоцѣнное свидѣтельство о томъ, что русскій народъ совершенно чуждъ сословной ненависти и розни, высказалъ еще въ 1865 году М. Н. Катковъ ¹: „русскій народъ, не зная политическаго властолюбія, совершенно чуждъ и политической зависти. Истинный русскій человѣкъ не завидуетъ своему согражданину, выше него стоящему; онъ смотритъ съ уваженіемъ на всякое высокое положеніе; ему вовсе неизвѣстно ревнивое желаніе равенства. Никто такъ не ошибается насчетъ Россіи, какъ тѣ, которые называютъ ее демократическою страной. Напротивъ, нѣтъ народа, въ которомъ демократическіе инстинкты были бы слабѣе, чѣмъ въ народѣ русскомъ. Они проникли, и то лишь слабо, въ ту полу-чиновничью, полу-шляхетскую среду, которая примыкаетъ къ помѣстному дворянству, какъ несвойственный ему придатокъ и *отнюдь не пользуется симпатіями другихъ сословій*“.

Эта „полу-чиновничья, полу-шляхетская среда“ и была тѣмъ столь размножившимся въ наше время слоемъ, который называется „интеллигенціей“. Когда писались приведенныя строки, это названіе еще не было въ ходу, и великій публицистъ не зналъ даже, какъ назвать ту общественную группу, о которой онъ говорилъ. Слова М. Н. Каткова подтверждаютъ косвенно также высказанное нами выше мнѣніе о враждѣ „интеллигенціи“ къ сословіямъ: сословіямъ собственно нѣтъ причины враждовать противъ „интеллигенціи“, которая слишкомъ слаба, слишкомъ ничтожна для подобнаго чувства; но съ другой стороны сословія не могутъ питать и „симпатіи“ къ общественному слою, явно къ нимъ враждебному.

Да это отсутствіе у насъ сословной розни и совершенно понятно. Нашъ народъ искони дѣлился на сословія не столько по происхожденію, сколько по наслѣдственному виду и роду занятій, и обстоятельство это составляетъ самобытную особенность нашего историческаго развитія. Въ старину отъ отца къ сыну у насъ переходили не титулъ и феодалныя права, а то или другое занятіе, та или другая дѣятельность, и хотя, конечно, сыну боярина, проводшаго свой вѣкъ на государственной службѣ, было легче идти по стопамъ отца, чѣмъ сыну крестьянина, проведен-

¹ См. *Московскія Вѣдомости*, № 8, 1865 г.

шаго свой вѣкъ за сохой, но этимъ фактическимъ различіемъ и ограничивалась главнымъ образомъ вся разница. Нашимъ практичнымъ царямъ и государственнымъ мужамъ не приходило въ голову искусственно ломать нашу народную жизнь и безъ нужды отрывать людей отъ простого деревенскаго быта для государственной службы. Но въ основѣ такого отношенія были практическія соображенія, и если исключительныя обстоятельства благопріятствовали тому, что простой человѣкъ могъ выдвинуться на поприщѣ государственной службы, то, съ точки зрѣнія нашихъ исконныхъ правъ и обычаевъ, къ этому не было никакихъ препятствій, такъ какъ у насъ не было кастъ: ко всевозможнымъ занятіямъ — будь то земледѣліе, будь то промышленность, будь то государева служба, былъ доступъ для всякаго. Сословное дѣленіе основывалось у насъ на общности интересовъ, совмѣстномъ трудѣ и значеніи въ государствѣ различныхъ слоевъ населенія, а отсюда и на ихъ различныхъ государственныхъ правахъ и обязанностяхъ, а не на происхожденіи отъ враговъ, завоевавшихъ когда-то страну, какъ это было на Западѣ.

Но, несмотря на наслѣдственность своихъ правъ и обязанностей, наше служилое сословіе никогда не было аристократіей. Полезная и вѣрная служба Царю и Отечеству всегда имѣла въ его глазахъ большее значеніе, чѣмъ древность рода. Однимъ изъ подтвержденій этого служить, между прочимъ, обычай мѣстничества. Хотя наши бояре и дворяне и гордились древностью происхожденія, однако, домогательства высшихъ мѣстъ основывались ими не на этой древности, а на службѣ предковъ. Эта основа правъ и преимуществъ высшаго сословія настолько понятна даже простому уму, что не могла вызывать къ этому сословію ни зависти, ни ненависти со стороны остального населенія.

Профессоръ Н. Коркуновъ говоритъ о сословіяхъ: ¹ „... въ самыхъ подвластныхъ (сословіяхъ) точно такимъ же путемъ наслѣдственной передачи и соотвѣтственнаго воспитанія вырабатывается наклонность къ добровольному подчиненію, *даже своего рода потребность подчиненія*. Къ тому же господство, къ которому привыкли издавна, которое унаслѣдовали отъ предковъ, не кажется оскорбительнымъ“. Ни къ чему непримѣнимы слова

¹ См. „Сравнительный очеркъ госуд. права иностр. державъ“. Часть первая. Государство и его элементы. С.-Пб. 1890 г.

эти болѣе, какъ къ отношеніямъ между нашимъ помѣстнымъ дворянствомъ и крестьянствомъ. Простому народу никогда и въ голову не приходило и не приходитъ быть недовольнымъ какими бы то ни было преимуществами дворянскаго положенія, его правами и обязанностями. Своимъ простымъ здравымъ смысломъ, своимъ политическимъ инстинктомъ нашъ крестьянинъ принимаетъ сложившіяся вѣками отношенія между сословіями, и мы не знаемъ никакихъ попытокъ, когда бы единичныя или коллективныя силы крестьянъ искали ихъ измѣненія. Дѣло въ томъ, что европейская отравка не заразила еще нашъ сельскій людъ политическою завистью, и что этотъ людъ не вѣритъ въ наступленіе рая на землѣ черезъ политическую равноправность, конституцію и т. п., какъ вѣрилъ, но перестаетъ уже вѣрить, западно-европейскій рабочій. И если народъ нашъ сколько нибудь поколебленъ въ своей вѣрѣ въ старинный общественный укладъ нашъ, то этимъ онъ обязанъ исключительно вліяніемъ сверху, насажденіемъ реформъ, „равнявшихъ“ со словія,—реформъ, смысла которыхъ онъ долженъ былъ доискиваться уже послѣ того, какъ онѣ совершились и за которыя онъ не боролся. Еще Прудонъ сказалъ, что демократія—это зависть. Ипполитъ Тэнъ приписываетъ этому чувству немало важную роль въ ужасахъ первой французской революціи. Парижскія мегеры грабили лавки „столько же по зависти, сколько и по нуждѣ“: судовая работница не можетъ простить лавочницѣ лучшаго платья; лавочница въ свою очередь завидуетъ женѣ адвоката и совѣтницѣ, а эти послѣднія—женамъ банкировъ и дворянъ. „La femme du peuple ne croit pouvoir trop faire pour ravalier l'Épicière à son niveau.“¹

По счастью, нашъ народъ еще слишкомъ чистъ, еще слишкомъ христіанинъ, слишкомъ независтливъ для того, чтобы раздѣлять подобныя чувства. Нѣтъ у него ихъ ни въ личныхъ отношеніяхъ, ни въ отношеніяхъ къ другимъ сословіямъ².

¹ „Женщина изъ народа не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы унижить лавочницу“. La revolution, t. II, p. 401.

² „У насъ эта черта—радоваться чужому благополучію—прямо-таки національная. Провѣдетъ по улицѣ красивая закладка съ чистокровными рысаками—всѣ рады, всѣ улыбаются: „ишь ты, какъ хорошо!“ Выиграетъ просвирня двѣсти тысячъ—и такъ за нее всѣ рады, точно она имъ наслѣдство оставляетъ. Если веселятся у кухмистра на свадебномъ вечерѣ—на противоположной сторонѣ улицы цѣлая толпа смотритъ въ окна и радуется“. (П. П. Гавдичъ, *Новое Время*, № 7.724).

„Характеристикой отношеній между дворянами и крестьянами, говоритъ А. Пазухинъ, можетъ служить тотъ фактъ, что изъ многочисленныхъ властей нынѣшняго уѣзднаго управленія предводитель дворянства есть самый популярный человѣкъ среди крестьянъ“¹. И у нашихъ противниковъ дворянства еще хватаетъ смѣлости говорить о сословной враждѣ и розни!

IV.

Дворянство и „интеллигенція.“

Наши главные роды людей.—Такъ-называемая „интеллигенція“. — Новое политическое значеніе дворянства.

Статья 2-я тома девятаго Свода Законовъ Россійской Имперіи гласитъ:

„Въ составѣ городского и сельскаго населенія, по различію правъ состоянія, различаются четыре главные рода людей: 1) дворянство, 2) духовенство, 3) городскіе обыватели, 4) сельскіе обыватели.“

Таково наше основное сословное дѣленіе, образовавшееся исторически и самобытно и въ главныхъ чертахъ своихъ и понынѣ вполне соотвѣтствующее дѣйствительности, то-есть тѣмъ характернымъ бытовымъ особенностямъ, которыми различаются между собой наши сословныя группы вообще и ихъ отдѣльные представители въ частности.

До шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія это правовое и бытовое дѣленіе населенія и было единственно возможнымъ дѣленіемъ—по крайней мѣрѣ въ отношеніи политическомъ. Но въ послѣднюю четверть вѣка, подъ вліяніемъ реформъ запрошлаго царствованія, въ основу которыхъ было положено начало безсословности, на-ряду съ этимъ оффіціальнымъ дѣленіемъ, въ обществѣ и литературѣ при обсужденіи политическихъ и соціальныхъ вопросовъ возникло и упрочилось другое дѣленіе всей массы населенія Имперіи, а именно — дѣленіе на такъ-называемую „интеллигенцію“ и народъ. Нельзя сказать, чтобы при этомъ отрицалось существованіе сословій — дворянскаго, купческаго и другихъ,—но эти сословія игнорировались, какъ утратившія свое государственное и соціальное значеніе.

„Интеллигенція“ въ прямомъ значеніи этого слова существовала у насъ, конечно, и въ дореформенное время, ранѣе чѣмъ явилось это позднѣйшее наименованіе, и истинно интеллигент-

¹ „Современное состояніе Россіи“. М. 1886 г. Стр. 33.

ные люди могли быть среди разныхъ сословіи, хотя и были, главнымъ образомъ, среди дворянства. Но понятіе „интеллигентность“, какъ синонимъ высокаго образованія, развитія и вообще умственныхъ качествъ, конечно, не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія, а потому „интеллигентный“ человѣкъ дореформенной эпохи, пользуясь правовымъ положеніемъ своего сословія „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“ и оставаясь вѣренъ его историческимъ преданіямъ и завѣтамъ, нисколько не впадалъ самъ съ собою во внутреннее противорѣчіе.

Но съ самаго появленія въ нашемъ языкѣ словъ „интеллигентность“ и „интеллигенція“ имъ было придано совершенно особенное, специфическое значеніе, сохранившееся за ними и до настоящаго времени. Въ ребяческомъ упоеніи кажушимися успѣхами нашего прогресса и при подавляющемъ господствѣ ультра-демократическихъ идей, въ обществѣ и печати установилось то наивное воззрѣніе, по которому умственно-развитой и образованный человѣкъ *и не можетъ* держаться иныхъ политическихъ убѣжденій, кромѣ тѣхъ, которыя извѣстны у насъ подъ именемъ „либеральныхъ“, „прогрессивныхъ“ и т. п. „Русская прогрессивная интеллигенція, говоритъ одинъ изъ знатоковъ ея, г. В. В., въ отличіе отъ западно-европейской (прошлаго времени, когда народъ еще не выступалъ въ роли активнаго агента исторіи), характеризуется *особеннымъ демократизмомъ воззрѣній...*“¹ Такихъ-то именно людей съ „особеннымъ демократизмомъ воззрѣній“ и стали называть „интеллигентными“, а всю совокупность ихъ „интеллигенціей“.

Какъ ни неправильно само по себѣ это названіе, но разъ оно установилось, общепринятое значеніе его болѣе или менѣе опредѣленно и не можетъ возбуждать существенныхъ недоразумѣній. Безспорно даже, что самая легкость, съ которою оно привилось и вошло въ повседневное употребленіе, указываетъ на назрѣвшую въ немъ потребность. Обозначаемый имъ „родъ людей“ сталъ довольно многочисленъ, заявляетъ большія претензіи на роль и значеніе въ государствѣ, и присвоеніе этому особаго рода „сословію“² того или другаго наименованія было

¹ См. В. В. „Наши направленія“. Спб. 1896 г. стр. 66.

² Несмотря на свое отрицаніе сословіи, „интеллигенція“, повидимому, считаетъ себя именно особымъ сословіемъ. Такъ, прежде, напримѣръ, основывались благотворительныя учрежденія для мѣщанъ, лицъ духовнаго званія и т. п. Теперь мы можемъ читать такіа извѣстія: „Въ память по-

лишь вопросом времени. Его называют „интеллигенціей“ — не все ли равно какъ его называютъ?

Но нельзя не обратить вниманія на то, что „интеллигенція“ — не русское слово и что русскій языкъ не имѣетъ синонима. Обстоятельство это безспорно доказываетъ, что и понятіе, выражаемое этимъ словомъ, возникло въ русской жизни не само-бытно, что оно пересажено къ намъ изъ чужихъ странъ. Это очень характерно для нашей „интеллигенціи“.

Велико значеніе русскаго дворянства въ нашемъ прошломъ; но наиболѣе важная государственная роль должна принадлежать ему въ нашемъ будущемъ.

Историческое положеніе дворянства ясно и опредѣленно: это было служилое сословіе, предводительствовавшее въ ратномъ полѣ и управлявшее народомъ по указу своихъ государей въ мирное время. Въ эти двѣ функціи дворянства и вылилось все его служеніе царской власти, государству и порядку въ простомъ, своеобразно и стройно сложившемся быту нашихъ предковъ.

Въ наши дни условія поддержанія порядка существенно осложнились и видоизмѣнились. Реформы недавняго прошлаго безпощадно ломали тѣ „сословныя перегородки“, которыя, съ точки зрѣнія французскихъ революціонныхъ теорій, составляли помѣху къ благоденствію и благополучію русскаго народа. Эта разрушительная работа не создала безсословнаго общества, но на поверхности нашей жизни оказалось много обломковъ сословнаго строя, довольно многочисленный разрядъ людей вполне порвавшихъ всякую связь съ сословною средой, отторженныхъ отъ ея быта, не знающихъ ея дисциплинирующаго вліянія и пренебрегающихъ всѣми духовными пріобрѣтеніями ея прошлаго—традиціями, преданіями, политическимъ разумѣніемъ. Этотъ разрядъ еще недавно назывался *разночинствомъ*; его-то теперь и именуютъ „интеллигенціей“.

Мы знаемъ, что представляетъ собою каждое изъ нашихъ сословій въ социальномъ, политическомъ и бытовомъ отношеніи—

свщенія Россіи Форумъ предполагается учрежденія въ Петербургѣ дома трудолюбія для *интеллигентныхъ* лицъ обоего пола“ (см. *Русскія Вѣдомости*, № 212). Такъ какъ правила на вступленіе въ этотъ домъ, какъ надо думать, будутъ возможно точно опредѣлены уставомъ, то въ непродолжительномъ времени намъ предстоитъ, можетъ быть, узнать даже правовые признаки „интеллигента“.

яхъ; мы знаемъ ихъ исторію, знаемъ какъ чистыя и свѣтлыя, такъ и мрачныя ея страницы; предъ нами, какъ живыя, встаютъ вереницы типовъ сословныхъ людей, типовъ положительныхъ и отрицательныхъ, высокихъ и ничтожныхъ, чудесно воспроизведенныхъ нашими геніальными художниками... Но что такое наша „интеллигенція“? Что это за новый разрядъ людей, о которомъ пишутъ книги, отъ имени котораго говорятъ публицисты, который претендуетъ выражать „общественное мнѣніе“, который принимаетъ на себя заботу о „меньшемъ братѣ“, шумитъ и жестикулируетъ на виду у всѣхъ такъ, какъ будто бы онъ-то именно и дѣлаетъ исторію? Сложился-ли этотъ разрядъ людей изъ лучшей, наиболѣе просвѣщенной, наиболѣе одаренной части людей разныхъ сословій, и не составляетъ-ли онъ такимъ образомъ нашъ цвѣтъ, соль земли нашей?

Нѣтъ, на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь отрицательно: люди сословной среды не входятъ въ составъ „интеллигенціи“, потому, что первый и самый важный признакъ нашего „интеллигентнаго“ человѣка въ томъ и заключается, что онъ относится отрицательно къ сословному строю общества, пренебрегаетъ „сословными предразсудками“ и т. д., а слѣдовательно, никто изъ дорожащихъ своею связью съ сословіемъ, никто изъ считающихъ за честь принадлежать къ нему, не можетъ быть сопричисленъ къ „интеллигенціи“.

Если подъ именемъ „интеллигенціи“ подразумѣвать наиболѣе развитую, живую, одаренную и прогрессивную часть населенія, то такая „интеллигенція“ была и есть въ каждомъ сословіи, и государство можетъ только всячески культивировать и поощрять ее. Если бы въ шестидесятыхъ годахъ сословія не были почти упразднены, то такая „интеллигенція“ росла и развивалась бы въ сословныхъ перегородкахъ. Подобно вьющемуся растенію она обвивала бы утвержденный столбъ сословности. Но разъ послѣдняя была провозглашена упраздненною, — конечно, „интеллигенція“ стала расти безпорядочно, уклоняясь направо и налево.

Эта же обособленность „интеллигенціи“ отъ сословій опредѣляетъ положеніе этого разряда людей и въ общественномъ строѣ. По исконному укладу нашему государственная власть находилась въ общеніи не съ безформенною массою народа, а съ народомъ въ формѣ сложившихся вѣками бытовыхъ и государственныхъ союзовъ. „Интеллигенція“ не желающая, да и не могущая по своимъ принципамъ стать въ ряды сословій, чуж-

дающаяся сословной жизни и ея интересовъ, не склоняющая головы предъ традиціоннымъ сословнымъ долгомъ и честью, кичащаяся своимъ пренебреженіемъ къ обычаямъ и вѣрованіямъ предковъ, эта „интеллигенція“ остается внѣ общенія съ государственною властью, внѣ ея попечительности, внѣ ея дисциплинирующаго вліянія, и поэтому является элементомъ населенія наиболѣе безпощаднымъ, представляетъ почву наиболѣе благоприятную для воспріятія противогосударственныхъ и космополитическихъ ученій. Сознывая свое изолированное и безправное положеніе среди сословныхъ союзовъ, этотъ разрядъ людей естественно всѣми силами души ненавидитъ все, что носитъ на себѣ хотя бы малѣйшій отпечатокъ сословности, и разрушаетъ, гдѣ можетъ и въ чемъ можетъ, сословныя отличія и „перегородки“, прекрасно понимая, что отъ этого онъ можетъ лишь выиграть. Этимъ же въ частности объясняется и страстная защита реформъ недавняго прошлаго, прямо направленныхъ къ насильственной и полной нивелировкѣ сословій.

Прекрасную характеристику нашей „интеллигенціи“ далъ извѣстный дѣятель мѣстной реформы 1889 г., покойный А. Пазухинъ ¹:

„Отличительная и общепризнанная черта нашего интеллигентнаго класса есть безпочвенность, отчужденность отъ народа. Представители этого класса, отрываясь отъ сословнаго быта, очень скоро утрачиваютъ всѣ особенности этого быта. Какъ русскій помѣщикъ, продавшій имѣніе и переселившійся на постоянное жительство въ столицу, какъ сынъ священника, вышедшій изъ духовнаго званія и состоящій сотрудникомъ газеты, такъ и крестьянинъ, получившій дипломъ при помощи общественной благотворительности, одинаково свысока смотрятъ на среду, нѣкогда имъ родную, изъ которой они вырваны ходомъ реформенной эпохи.

„Питаясь книжными доктринами, они скоро теряютъ всякое уваженіе къ дѣйствительной жизни и перестаютъ понимать интересы и чувства сословій, съ которыми связи ихъ порваны. Облекаясь во фракъ или блузу, они съ презрѣніемъ смотрятъ на мужицкій зипунъ, и на священническую рясу, и на дворянскій мундиръ.

„Утрачивая всѣ сословно-бытовыя особенности, русскій чело-вѣкъ утрачиваетъ и всѣ національныя черты.

¹ См. „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ“. Москва, 1886 г., стр. 41.

„Русскихъ гражданъ у насъ воспитываетъ сословный бытъ. Только на сословной почвѣ живутъ люди съ русскимъ чувствомъ, крѣпко связанные съ великимъ прошлымъ нашего отечества и глубоко вѣрующіе въ будущее его величіе. При переходѣ черезъ мостъ, отдѣляющій сословный бытъ отъ безсословной среды, русскій человѣкъ разбрасываетъ весь нравственный и политическій багажъ, нажитый трудами поколѣній, и дѣлается гражданиномъ какого-то отвлеченнаго государства. Любовь къ отечеству и преданность престолу, являясь необходимымъ условіемъ сословной жизни, если не отсутствуютъ вполне, то составляютъ лишь случайный и ничтожный элементъ въ жизни безсословной *интеллигенціи*.

„Относясь враждебно къ народу, интеллигенція относится враждебно и къ нашему историческому государственному строю. Мы были свидѣтелями, какъ быстро распространились анархическія ученія, какъ Россія покрылась цѣлою сѣтью революціонныхъ шаекъ, какъ правительство, по поводу злодѣяній подпольной крамолы, дѣлало воззванія къ безсословной Россіи и получало въ отвѣтъ холодное выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и полное равнодушіе къ затрудненіямъ, въ которыхъ оно находилось. Можемъ ли сомнѣваться въ томъ, какая среда воспитала и воспитываетъ элементы крамолы? Есть ли мѣсто недоумѣнію относительно патріотизма нашей безсословной интеллигенціи послѣ корыстныхъ совѣтовъ—отказаться отъ принципа исторической власти, которые она давала правительству въ минуты тяжкихъ для него испытаній?“

Подъ именемъ „интеллигенціи“ у насъ, какъ мы сказали выше, подразумѣваютъ ту, отчасти образованную, а главнымъ образомъ полуобразованную, толпу нашего безсословнаго общества, которая, утративъ самобытно-культурные народные идеалы, прониклась раціонализмомъ дряхлѣющей западно-европейской цивилизаціи, давно уже врывающимся сквозь широкое окно, прорубленное на нашемъ западномъ рубежѣ. Эта толпа сама себѣ придумала столько же претенціозное, сколь и нелѣпое названіе „интеллигенціи“, какъ нельзя лучше характеризующее и ея кичливую развязность и ея дурной вкусъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто-же, кромѣ составляющихъ эту толпу, рѣшится величать себя „самыми лучшими людьми“, „самыми честными людьми“, „самыми умными людьми?“

Творческая, жизненная сила, искони культивировавшая нашу

государственность по пути прогресса, конечно, есть достояніе всего народнаго организма, всѣхъ его слоевъ, сословій и общественныхъ союзовъ, и если умѣстно, хотя бы и въ отвлеченномъ представленіи, расчленять проявленіе этой силы, то мы сказали бы, что роль интеллекта въ этомъ проявленіи безспорно всегда принадлежала, принадлежитъ и теперь нашему дворянству. Не будь намъ противно само это опошленное названіе — „интеллигенція“, — мы сказали бы также, приноравливаясь къ общепринятому значенію этого слова, что дворянство и было, и должно быть нашею настоящею „интеллигенціей“, проникнутою самобытно-русскою государственною идеей и дисциплинированою въ вѣрномъ ей служеніи.

Порожденіе нашей смутной эпохи позапрошлаго царствованія, такъ-называемая, „интеллигенція“ наша и малочисленна, и ничтожна по своему дѣйствительному вліянію на жизнь страны, но, скученная въ центрахъ умственной жизни, она на виду и на знати, а потому и шумъ и шумиха, производимые ею, слышны далеко и могутъ ввести въ заблужденіе. Впрочемъ, все это сравнительно безвредно лишь при нормальномъ теченіи сословной, а слѣдовательно, и государственной жизни, но можетъ представлять серіозную опасность въ смутные годы, время отъ времени неизбѣжно постигающіе всякую страну. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что разстройство и обѣднѣніе сословій, нарушающія сложившійся ходъ жизни, выбиваютъ изъ колеи цѣлые ряды ихъ членовъ, и неизбѣжно бросаютъ если не ихъ, то ихъ потомковъ, въ ту же мутную среду междусословнаго слоя. Это, конечно, увеличиваетъ и будетъ увеличивать его силы, доколѣ для сословной жизни не наступитъ время полного оздоровленія.

Среди самой „интеллигенціи“ въ этомъ отношеніи питаются самыя опредѣленные ожиданія. Она увѣрена, что это оздоровленіе никогда не наступитъ, что сословная жизнь постепенно угаснетъ навсегда, она мечтаетъ и даже убѣждена, что ей, именно ей, суждено замѣнить собою дворянство въ смыслѣ высшаго политическаго и руководящаго слоя населенія, что ея царство наступитъ на развалинахъ нашего сословнаго строя.

И теперь уже, по словамъ А. Пазухина, интеллигенція — „это есть то безформенное общество, которое наполняетъ собою всѣ щели, образовавшіяся въ народномъ организмѣ въ эпоху реформъ и которое теперь лежитъ довольно толстымъ пластомъ вверху Россіи“.

Мы не раздѣляемъ этихъ упованій, хотя и не можемъ не признать, что все пережитое нами въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій способно было ихъ породить и взлелѣять. Но если сей часъ суждено миновать народъ нашъ, если онъ не будетъ настолько несчастенъ, чтобы видѣть въ первыхъ рядахъ своихъ политически развращенную, бѣдную вѣрой и самостоятельную мыслию и лишь сильную своею беззащитчивостью, такъ-называемую, „интеллигенцію“ нашу, — мы уйдемъ отъ этого однимъ путемъ — путемъ *полнаго* и послѣдовательнаго возвращенія къ нашему исконному сословному государственному строю. Только дворянство соединенное, устроенное и духовно ободренное, только оно, вооруженное отвлеченною мыслию и знаніемъ, только оно, копившее вѣками свою „вѣру и вѣрность“, только оно должно стоять въ первыхъ рядахъ народа, и если оно найдетъ себѣ поддержку въ тяжелые дни свои, оно не уступитъ своего историческаго мѣста безвѣстному выходцу.

Въ этомъ-то и заключается будущее и новое политическое значеніе дворянства.

„Интеллигенція“ наша уже похоронила дворянство, пропѣла ему отходную¹. Если нашему времени суждено возстановить дворянство въ его прежнемъ значеніи, то это будетъ совершенно неожиданнымъ для нея историческимъ оборотомъ, который разстроитъ всѣ расчеты на водвореніе у насъ демократіи. Впрочемъ, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что, какъ только это совершится, извѣстная часть „интеллигенціи“, нынѣ отрицающая сословный строй, войдетъ въ дворянство: успѣхъ дѣйствуетъ на людскую толпу лучше всякихъ аргументовъ.

Остальная же часть „интеллигенціи“ найдетъ въ дворянствѣ достаточный противовѣсъ своему общественному вліянію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ряды нашей „интеллигенціи“ во всю пореформенную эпоху усиленно пополнялись обезземеленнымъ дворянствомъ. Дворянинъ безъ земли въ большинствѣ случаевъ является потеряннымъ членомъ для сословія. Только очень немногія изъ дворянскихъ семей, распродавъ свои помѣстья, вновь приобрѣтаютъ участки и поселяются въ деревнѣ. Въ пореформенную же эпоху помѣщики покидали свои вотчины во множествѣ; въ Костромской губерніи, напримѣръ, по свѣдѣ-

¹ По мнѣнію кн. Дм. Друцкаго-Соколинскаго, напримѣръ, намъ остается лишь усерднѣе молиться „о безболѣзненной, неспостыдной и мирной кончинѣ дворянства“. (См. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1897 г., № 160).

ніямъ мѣстнаго земства,¹ въ одномъ 1873 году закрылось 356 владѣльческихъ усадебъ, а изъ оставшихся 398 усадебъ 308 пришли въ упадокъ. Конечно, этотъ новѣйшій дворянскій пролетаріатъ усилилъ собою городскую „интеллигенцію“, такъ какъ въ дворянскомъ званіи главное не личныя права, въ то время почти уже уничтоженныя, а состояніе и общественное положеніе по болѣе или менѣе крупному землевладѣнію.

Насколько дворяне, оторванные отъ земли, теряютъ связь съ сословіемъ, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства извѣстнаго публициста кн. А. Васильчикова о мелкопомѣстныхъ дворянахъ²: „По своему состоянію, по размѣрамъ своихъ владѣній, по образу жизни, они стояли ближе къ крестьянству, чѣмъ къ знатному столичному дворянству; тѣ немногіе изъ нихъ, старики и убогіе, которые жили въ своихъ усадьбахъ и занимались хлѣбопашествомъ, ничѣмъ не отличались въ своемъ хозяйственномъ быту отъ зажиточныхъ крестьянъ. Люди бодрые и молодые искали другихъ занятій и промысловъ и, получивъ кое-какое воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, въ уѣздныхъ школахъ, поступали на службу въ армію, или въ канцеляріи губернскихъ присутствій, вскорѣ забывали свое дворянское происхожденіе, содержали себя личнымъ трудомъ, службой и скуднымъ жалованьемъ, и составляли такимъ образомъ въ средѣ дворянства огромнѣйшее большинство, 84% родовитыхъ, но бѣдныхъ дворянъ, во все чуждыхъ интересамъ прочихъ помѣщиковъ и питающихъ къ нимъ чувства болѣе враждебныя, чѣмъ сами крестьяне. Въ послѣднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, этотъ классъ мелкопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ образованіи, едва-ли не большіе, чѣмъ высшее дворянство. Пользуясь образовательными средствами, сосредоточенными въ столицахъ и городахъ, молодые люди проходили высшіе учебные курсы, и изъ нихъ постепенно набирались ученые, литераторы, художники, армейскіе офицеры и гражданскіе чиновники, дворяне по роду и племени, но составлявшіе *главную оппозицію противъ дворянскихъ привилегій*, и въ особенности противъ крѣпостнаго права и аристократическаго преобладанія крупнаго землевладѣнія“.

Эти строки проливаютъ также свѣтъ и на происхожденіе нашей „интеллигенціи“.

А. Елишевъ.

¹ См. *Русскія Вѣдомости* 1879 г., № 192.

² См. „Землевладѣніе и земледѣліе“. Спб., 1876 г., стр. 469.

